

предприятий I разряда увеличивалась с 2 руб. 25 коп. в 1925 г. до 4 руб. в 1926 г., II-го – с 5 руб. до 9 руб., III-го – с 10 до 18 руб., IV-го – с 15 руб. до 33 руб., V-го с 26 руб. до 52 руб. Практически эти цифры удваивались, поскольку к ним полагалась стопроцентная надбавка, переводимая в местный бюджет⁶⁰.

Установленные налоги на аренду помещений частниками во много раз превосходили плату государственных и кооперативных предприятий. Все мероприятия, направленные на усиление налоговых сборов с частных и увеличение изъятия в пользу государства их накоплений (до 70 % суммы всех доходов), затрагивали интересы собственников, способствовали сокращению доходов, снижению конкурентоспособности.

Значительным бременем ложились на частного предпринимателя также растущая плата за патенты, «добровольные пожертвования» по подписным листам, принудительный обязательный выкуп облигаций государственных займов и т.д. Например, удельный вес доходов от их реализации в бюджете Удмуртии увеличился с 1,1 % в 1926/1927 хозяйственном году до 14 % в 1929/1930 г.⁶¹

Разнообразными способами осуществлялось формирование отрицательного образа нэпмана в общественном сознании, принимались активные меры по его дискредитации. В клубах и кинотеатрах демонстрировались спектакли и фильмы определенной идеологической направленности, рисовавшие картины «нэпманского утара», формировавшие реальный образ врага. Художественные выставки пестрели карикатурами, конструировавшими весьма упрощенный образ «новой буржуазии», предельно расчётливой, ограниченной, лишенной интеллекта, погрязшей в праздности и роскоши. В рамках пропагандистских кампаний в трудовых коллективах организовывались собрания, лекции, дискуссии. Все это должно было породить общественное недовольство.

Действенным инструментом ограничения роста капиталистических отношений были показательные судебные процессы по взяточничеству, спекуляции и различным хозяйственным преступлениям. Практиковалось и лишение избирательных прав, ограничивающее права личности. Это нередко приводило к выселению «социально опасных элементов» из мест постоянного проживания, домов, квартир, конфискации имущества, отказу в дальнейшей трудоустройстве, получении медицинской и юридической помощи и т.д.

Таким образом, в годы новой экономической политики в Удмуртии предпринимательская деятельность кустарей и ремесленников, частная практика в различных областях и сферах, несмотря на «идеологический гнет» и мероприятия государства, направленные на их форсированное устранение, до конца 1920-х гг. развивались динамично, демонстрируя свою жизнестойкость и приспособляемость к новым условиям.

Однако так называемый «великий перелом» привел к окончательной ликвидации нэповских начал в экономике. Постепенно складывалась всеобъемлющая система административно-планового управления хозяйством, исключившая всякие рыночные механизмы его развития. Сфера услуг стала прерогативой государства и частично – кооперации.

И.В. Борзихина
Екатеринбург

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В СУДЬБАХ УРАЛЬСКОГО КРЕСТЬЯНСТВА

Конец 1920-х гг. в СССР ознаменовался резкой сменой экономической политики, связанной с форсированной модернизацией, прежде всего в области промышленности.

⁶⁰ Ижевская правда. 1925. 12 марта; Ижевская правда. 1926. 16 октября.

⁶¹ 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921 – 1931. Ижевск, 1931. С. 86.

Особая роль в этом процессе отводилась Уралу, в связи с чем, стремительно менялись условия экономической деятельности всего населения региона, но особенно глубоко этот процесс затронул судьбы крестьянства.

Индустриальный рывок тяжело отразился на положении крестьянских хозяйств. Ужесточение налоговой политики, проводившееся в целях форсированного развития промышленности, неизбежно задевало жизненные интересы всего крестьянства – оно с огромным трудом выплачивало налоги. И.С. Колотилов, крестьянин деревни Бахарево Ялано-Катайского района, жалуясь в редакцию газеты «Челябинский рабочий» в начале 1930 г. на непомерно высокие налоги, указывал: «... государственного налога 43 руб. 10 коп., страховки 23 руб. 10 коп., самообложения 9 руб. 82 коп., запасной фонд 10 п. 20 ф., на индустриализацию 10 руб., третий заем, всей суммы набирается 86 руб. 82 коп. Продам лошадей, корову и 6 овец, рассчитаюсь не хватает и больше продать нечего. До этого времени, до 1929 г., все государственные и общественные платил вовремя, ... нынче не в силах выплатить возлагаемый государственный долг»⁶².

Переход к всеобщей коллективизации поставил крестьянство перед трудным выбором: либо вступить в колхоз и утратить хозяйственную самостоятельность, передав в общее пользование свои средства производства, либо пытаться противостоять политике властей, сохранить единоличное хозяйство, но подвергаться экономическому и административному давлению. Угрозы, применяемые по отношению к крестьянству, подкреплялись репрессивной политикой. Провозглашенная политика ликвидации кулачества как класса направлялась именно против единоличных хозяйств и их владельцев. В феврале 1930 г. был принят закон, определивший порядок ликвидации кулацких хозяйств. Постановлением президиума Уральского облисполкома от 8 марта 1931 г. о выселении кулачества предусматривалось из районов, имеющих свыше 40% коллективизированных хозяйств, выселить оставшуюся часть кулачества с тем, чтобы превратить их в районы сплошной коллективизации⁶³.

Подчиняясь решению областной власти, районные и городские Советы ускорили выселение кулаков. При этом выселению подлежали и их семьи даже в тех случаях, когда глава семьи в деревне не проживал. Рассматривая дело о выселении семьи Фоминых из Челябинского района в марте 1931 г., президиум Челябинского городского Совета зафиксировал, прежде всего, ее имущественное положение. Семья Фоминых, состоявшая из пяти человек, имела крепкое хозяйство. До революции в хозяйстве имелось: «своей земли – 45 дес., посева 7 дес. Лошадей рабочих 3, подростков 1, коров 3, подростков 1, мелкого скота 5 голов. Пятистенный дом, 2 амбара. Сезонных батраков 1 чел. После революции в хозяйстве имелось: своей земли до 14 дес., арендованной до 11, посева до 17 дес., лошадей рабочих 2 – 5, подростков 1 – 3, коров 1 – 3, подростков 1 – 4, мелкого скота до 17 голов. Лобогрейка, молотилка. Постоянных батраков с 1926 г. 1 человек. Имелись доходы от сельхозмашины – 100 рублей»⁶⁴.

Фоминых М.А. избирательных прав был лишен. Обвинялся во враждебном настроении к советской власти и проводимым мероприятиям (на собрании выступал против посевного плана, говоря, что «власть грабит крестьян»). Отец его в 1930 г. был раскулачен, имущество передано в колхоз. Установив, что Фоминых Михаил уехал на работу «куда неизвестно», а семья проживает в деревне, на квартире, постановили: выслать семью (мать, отца, жену и ребенка) за пределы Челябинского района.

Из 12 районов Троицкого округа предполагалось выселить в первую очередь 750 чел., во вторую – 1500 чел., в то время как в целом по округу насчитывался 66551 двор, из них индивидуальных – 2034, лишенцев – 6593. С 1930 г. по 1 июня 1931 г. из округа было выслано в административно-судебном порядке 705 семей, в том числе из города – 42. Самоликвидировались 147 хозяйств. При этом основные средства в бюджет округа

⁶² ГАЧО, ф. 98, оп. 1, д. 3141, л. 162-163.

⁶³ ГАСО. Ф. 88. Оп. 1А. Д.63. Л.15.

⁶⁴ ГАЧО. Ф. 220. Оп. 9, Д. 17. Л. 29.

поступали за счет «нажима» на кулаков и нэпманов. Так в 1930 г. кулаки, которые составляли 3,2% от общего числа населения, уплатили 57% всех налогов округа. В 1931 г. кулаки составляли 6,2% и внесли 75% от общей суммы платежей. Недоимки погашались имуществом.

Крестьяне, попавшие в категорию кулачества, теряли практически все свое имущество. Оно, прежде всего, подробно описывалось, сдавалось в колхозы (за исключением денег, облигаций, золота и серебра, которые сдавались в райисполкомы). Уточняя порядок конфискации имущества у кулаков, выселяемых на север, Челябинский окружком ВКП(б) в феврале 1930 г. постановил, что при передаче кулацкого имущества «на сохранение» в колхозы и райисполкомы оставлять на каждого члена семьи только теплые вещи, самые необходимые предметы домашнего обихода и некоторые средства лесозаготовительного и рыболовного производства (топоры, лопаты, пилы, сети и т.д.)⁶⁵. Практика раскулачивания была настолько жестокой, что часть крестьянства выбирала вступление в колхозы.

Задача объединения в колхозы единоличного крестьянства, поставленная перед уральским руководством центральной властью, затрагивала судьбы многих людей – в 1928 г. в Уральской области насчитывалось 1270 тыс. единоличных хозяйств. В соответствии с постановлениями конца 1920 – начала 1930-х гг. прекращалось кредитование и усиливалось налоговое обложение частных хозяйств, отменялись законы об аренде земли и найме рабочей силы. Политика экономического давления на единоличника привели к заметному сокращению последнего – в 1932 г. на Урале насчитывалось уже – 330 тыс. (32%) единоличных хозяйств. Но и это количество было значительным.

К единоличникам стали относиться с подозрением, как к скрытым врагам колхозного строя. Из деревни поступали сообщения о том, что часть единоличников ускользала от налогового обложения, не полностью выполняла обязательства по заготовкам, не принимала участия в расходах, связанных с ремонтом школ, починкой мостов, дорог. Все это ложилось дополнительным бременем на колхозы и колхозников. Кроме того, единоличники, воспользовавшись тем, что правления колхозов не давали лошадей колхозникам для поездок на базар, в больницу и так далее, занялись извозом, благодаря чему значительно увеличили свои доходы. Развивались и другие виды предпринимательства. Подавляющее большинство крестьян-единоличников были связаны с подсобными промыслами, главным образом извозом, а в некоторых сельсоветах выжигом угля и заготовкой дров. Помимо приусадебных земель многие единоличники имели и полевые посевы.

Часть колхозников начала открыто выражать недовольство своими более низкими доходами, более высокими нормами сдачи продукции государству и большими налогами. Такая ситуация не могла устроить и партийно-хозяйственных руководителей на местах. Оставшийся без должного присмотра единоличник выходил из подчинения, демонстрировал свои преимущества перед колхозами в развитии сельского хозяйства и повышении своего благосостояния.

Местная власть резко усилила давление на единоличника. Сельскохозяйственный отдел Челябинского обкома ВКП(б) в ноябре 1934 г. отмечал, что на 1 июля 1934 г. удельный вес коллективных хозяйств составлял 67,9%⁶⁶.

Для завершения коллективизации в области считалось необходимым провести следующие мероприятия: «Обязать сельсоветы привлекать к выполнению государственных обязательств и трудовой повинности в первую очередь единоличников, использовав полностью его рабочий скот и инвентарь. Определить налог для единоличных хозяйств от неземледельческих заработков и от продажи сельхозпродуктов на рынке в составе облагаемого дохода вместо установленных законом 30% в размере

⁶⁵ ГАЧО. Ф. 96. Оп. 6. Д. 22. Л. 10.

⁶⁶ ЦДНЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 150. Л. 198.

100% дохода. Дополнительно включить для единоличников сельхозналог от доходов по продаже на рынке сельхозпродуктов за время с 1 мая по 31 декабря 1934 г., а также внести разовый сбор с единоличников при продаже ими продуктов на рынке. Установить норму поставки молока государству для единоличных хозяйств с 280 л. до нормы, определенной молочно-товарным фермам, т.е. в размере 580 л. в год. Обязать все организации, нанимающие единоличников, вписывать в книжку единоличника получаемый ими заработок и производить обложение в соответствии с этими записями. Если единоличник книжки не предъявляет, повышать его обложение в 5 раз по сравнению со средней зарплатой данного предприятия.

Запретить единоличникам: а) собирать ягоды на колхозной, совхозной земле и в государственных лесах без специального разрешения сельсовета, сельсовет выдает разрешение за определенную плату; б) считать необходимым резко сократить нормы, отпускаемые единоличникам с повышением в 3 раза цен на лес, отпускаемый для топлива; в) считать необходимым ограничить землю для посевов не больше, чем 1 га на хозяйство при значительном уменьшении усадебных земель до 0,15 га; г) ограничить пользование сенокосными угодьями.»⁶⁷.

Таким образом, единоличник был при помощи политических, административных и экономических рычагов направлен в соответствующее русло – в колхозы. Его численность по стране за период с января 1933 г. по апрель 1935 г. сократилась с 8,9 млн. хозяйств до 4,1 млн. На Урале в 1940 г. крестьяне-единоличники составляли 2,3% сельского населения. В начале 1941 г. на территории региона насчитывалось 41,4 тыс. единоличных хозяйств (3% от общего числа крестьянских дворов). Таким образом, за короткий срок крестьянство утратило хозяйственную самостоятельность и оказалось в принципиально новых условиях колхозной жизни.

Работа крестьянства в коллективных хозяйствах оплачивалась путем выдачи сельскохозяйственной продукции на трудодень, однако нормы этой выдачи были низкими. В 1933 г. в колхозах Челябинской области на трудодень выдавалось: зерна – максимум 2 – 2,5 кг (в 3-х районах), минимум – 500 г (в 4-х районах), в 7 районах не было выдано ничего, денег – максимум 4 руб. 86 коп. (в Каргапольском районе), минимум до 10 коп. (в 7 районах), в 13 районах не выдано. В 1936 г. в среднем на трудодень выдавалось 0,34 коп. и 0,67 кг зерна⁶⁸. В этих условиях крестьянство вынуждено было вести личное подсобное хозяйство.

Ломка сложившихся в деревне форм хозяйствования вызвала серьезные трудности в развитии аграрного сектора. Среднегодовое производство зерна в 1933 – 1937 гг. снизилось до уровня 1909 – 1913 гг., на 40 – 50% уменьшилось поголовье скота. В то же время росли планы по заготовке продовольствия. Вслед за урожайным 1930 г. зерновые районы Украины, Нижней Волги и Западной Сибири охватил неурожай. Для выполнения планов хлебозаготовок вновь вводились чрезвычайные меры. У колхозов изымалось 70% урожая, вплоть до семенного фонда. Зимой 1932 – 1933 гг. многие только что коллективизированные хозяйства охватил голод. Голод в 1930 – 1934 гг. охватил и Урал. Как и в других регионах страны, он был связан с коллективизацией, максимальным изъятием продукции у колхозов, колхозников, единоличников. Первая волна голода относится к весне 1930 г., в 1931 – 1933 гг. он стал массовым явлением, а в 1933 г. достиг апогея. Голод охватил все области Урала. Основной очаг пришелся на южную Башкирию, Челябинский и Оренбургский округа. По данным бюджетных обследований суточная норма питания одного члена колхозной семьи Урала в среднем за 1933 г. составила 361 г картофеля, 245 г хлеба-суррогата, 78 г овощей, 11 г мяса, 252 г молока, 0,03 шт. яйца. Хлеб заменялся суррогатами, которыми питались от 40 до 60% колхозников в течение 330 – 350 дней в 1932 – 1933 гг. Голод сопровождался массовым опуханием,

⁶⁷ ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 150. Л. 198 – 202.

⁶⁸ ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп. 1. Д. 150. Л. 182; ГАЧО. Ф. 485. Оп. 7. Д. 521. Л. 20.

распространением тифа, цинги, дизентерии, септической ангины, вызванной употреблением перезимовавших зерен пшеницы, картофеля.

Однако, несмотря на массовое бедствие, в 1931 г. голодающая из-за неурожая Уральская область по решению центральной власти поставила для экспорта за границу 345 вагонов яиц (76,8% к плану), 4957,9 т масла животного; 6,5 т бекона; живой птицы 438,5 тыс. пар кур; 275 тыс. пар гусей; 25 тыс. пар уток (по сравнению с предыдущим годом экспорт живой птицы возрос на 80,7%), 552933 шт. дичи; 98,2 тыс. банок или 49 т языковых консервов; 493,3 тыс. банок рыбных консервов; свежемороженой рыбы: 22,5 т красной рыбы; 18,4 лососевой. 104,3 частиковой⁶⁹. Экспорт сельхозпродукции давал средства в государственный бюджет.

Деревня стала не только поставщиком сельскохозяйственной продукции для нужд индустриализации, но и основным резервом рабочих рук для промышленности. Бурное промышленное строительство в годы первых пятилеток вызвало огромный спрос на рабочую силу. Главным источником решения проблемы рабочей силы для предприятий стал перевод рабочих из деревни в город. Однако для того, чтобы крестьянство, уклоняясь от коллективизации, не покидало в массовом порядке сельскую местность, процесс пополнения рабочего класса регулировался сверху. Отходу из деревень партийно-государственное руководство страны пыталось придать управляемый характер. Постановлением ЦК ВКП(б) наиболее важным стройкам были выделены районы, где можно было вербовать рабочую силу. Для строительства Уралмаша, например, были выделены Центральночерноземный район, Поволжье и Уральская область.

Правлениям колхозов запрещалось допускать индивидуальный отход колхозников в город. Вся работа по вербовке рабочей силы в колхозах производилась райуполномоченными по труду, колхозы же должны были оказывать им всяческое содействие. Уральский областной отдел труда в апреле 1930 г. направил в округа циркуляр с указанием, сколько для каждого округа требуется рабочих. Для обеспечения промышленного строительства в Челябинском округе, например, указывалось, что потребуется около 27 тысяч человек, и эта потребность почти целиком должна была удовлетворяться путем переброски излишков рабочей силы из села.

Массовое направление крестьян в город, однако, лишало колхозы рабочих рук и, следовательно, приносило ущерб. Своеобразной формой его компенсации стало отчисление в пользу колхозов части зарплаты отходников. Так, циркуляром об обеспеченности промышленности рабочей силой предусматривалось, что процент отчисления от зарплаты отходников колхозам устанавливается не выше 5% для основных производств и не выше 10% для рабочих, занятых на сезонных работах. С момента отправки членов колхозов на отходнические работы, правление колхоза не вправе было отзывать своих членов, не исключая и периода летних полевых работ⁷⁰.

Результатом масштабного направления крестьян на стройки и промышленные предприятия стало значительное сокращение сельского населения. Численность сельского населения, например, в Челябинской области с 1930 г. по 1935 г. сократилась на 638 тыс. чел. В результате во многих колхозах области создался острый недостаток рабочей силы. Нагрузка уборочных площадей на одного трудоспособного в 1935 г., (при средней по области в 8,1 га), во многих районах достигала до 14 – 23 га⁷¹.

Колхозы оказались в такой ситуации, когда за помощью приходилось обращаться к городским рабочим и воинским частям. В 1934 г. в Челябинской области были посланы в помощь колхозам и совхозам воинские части и 26 тыс. рабочих и членов их семей на уборку. В 1935 г. были посланы 12 тыс. рабочих и членов их семей, которым колхозы платили за рабочий день 3 – 5 кг хлебом и до 3 руб. деньгами. Наряду с этим колхозы нанимали еще и одиноличников. В связи со сложившейся ситуацией обком, облисполком

⁶⁹ ГАСО. Ф. 245. Оп. 1. Д. 341. Л. 30-35.

⁷⁰ ГАЧО, ф.98. оп. 1. д.3234. л.91-92.

⁷¹ ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп.1. Д.341. Л. 62.

и всесоюзный переселенческий комитет при СНК СССР обратились к правительству с просьбой разрешить переселить в колхозы Челябинской области 6 тыс. хозяйств колхозников и трудящихся единоличников из других краев и областей Союза⁷². На январь 1940 г. из малоземельных районов СССР в колхозы области внепланово, по личной инициативе, переселилось 7100 хозяйств⁷³.

В условиях максимальной мобилизации ресурсов региона на нужды развития тяжелой промышленности крестьянство заплатило высокую социальную цену за проведенные преобразования.

С.С. Букин, В.И. Исаев
Новосибирск

РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ В СИБИРИ **В 1920-е – 1950-е гг.**

В дореволюционное время развитие общественного питания базировалось на частной инициативе. В городах Сибири и Дальнего Востока имелось небольшое количество трактиров, ресторанов, однако их было мало и обслуживали они в основном высшие и богатые слои общества. В годы НЭПа вновь открылись частные рестораны и трактиры, но доступны они были также только узкому кругу состоятельных людей.

С развертыванием индустриализации в СССР организация широкой системы общественного питания стала насущной потребностью и выдвинулась в число задач строительства нового общества. В этих условиях создание государственной и кооперативной системы массового общественного питания выступало одним из важнейших направлений преобразования быта населения, а также способствовало вовлечению женщин в общественное производство, что диктовалось потребностями индустриализации. Наиболее существенную часть домашнего труда у женщин составляло приготовление пищи. По данным ЦСУ на 1931 г., приготовление пищи у работниц занимало 2,36 час. в день. У мужчин эти затраты были значительно меньше, составляя от 0,17 до 0,2 час.

В середине 1920-х гг. в Сибири система учреждений массового общественного питания практически отсутствовала. В Иркутском округе, например, лишь в начале 1927 г. открывались первые заведения рабочей кооперации. Несколько небольших столовых работали в Новосибирске и других сибирских городах. В 1927 г. при Сибкрайисполкоме создан краевой комитет содействия народному питанию, который возглавил работу по расширению сети общепита. Если на 1 октября 1926 г. в Сибири насчитывалось всего 32 столовых, то через год – уже 84 с пропускной способностью 16 тыс. обедов в день. В 1928 г. общее количество столовых в Сибирском регионе возросло до 113. Мощность предприятий общественного питания за годы первой пятилетки выросла в 40 раз. В городах Западной Сибири в 1932 г. ими обеспечивалось 575 тыс. чел. против 7,5 тыс. в 1928 г., а годовой денежный оборот общепита возрос с 2,4 до 166,2 млн. руб. Особенно повысилась роль общепита в завершающие годы первой пятилетки. В начале 1930 г. сеть общественного питания было охвачено только 2,3%, а в январе 1932 г. – уже 39% городского населения Западной Сибири.

Питание в столовых стало типичным не только для рабочих и служащих, но и членов их семей. За годы второй пятилетки денежный оборот сети общественного питания в Новосибирской области увеличился в 1,5 раза, в Омской – в 2,7, в Красноярском крае – в 5,5 раза. Вырос и охват населения сетью общественного питания. В 1934 г. в Кузбассе он составил 64,8%. Специальное обследование, проведенное в июне этого года на Кузнецком металлургическом комбинате, показало, что 87,7% работавших членов семей, 20,6% взрослых-иждивенцев и 43,3% детей пользовались предприятиями общественного

⁷² ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп.1. Д.341. Л. 65.

⁷³ ЦДНИЧО. Ф. 288. Оп.3. Д.478. Л.7.